Ожерелье
из разбитых сердец
Таинства Любви
Светлана Демидова

Светлана Демидова
Ожерелье из разбитых сердец

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169535
Демидова С. Ожерелье из разбитых сердец: Роман: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-29404-6

Аннотация

Антонина всегда была независимой и свободной. Кого хотела – любила, а на остальных даже не тратила свои силы. Феликс покорил ее сердце. Сразу и навсегда! Уж очень необычен он был. Гордый и своенравный – под стать Антонине. В общем, она и сама не заметила, как угодила в капкан любви. Феликс ответил взаимностью. И вроде бы надо радоваться, но Тоне упорно не давало покоя странное письмо о том, что любимый несет гибель любящим его женщинам...

Содержание

Часть I 4
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Светлана ДЕМИДОВА
ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ РАЗБИТЫХ СЕРДЕЦ

Часть I

Я волк. Нет... Конечно же, волчица. Одиночка. И это не комплекс. Мне хорошо одной. У меня вообще нет комплексов. Я полноценна. Самодостаточна. Убежденная волчица. Опять не так: надо с большой буквы – Волчица. Это мое имя или ник, как хотите. Нет, нет! Я не сижу в Сети. На Сеть (ха-ха) не подсела и не подсяду, потому что однажды чуть не вляпалась. Это было последней каплей перед тем, как я окончательно осознала себя Волчицей. История банальна до вульгарности: молодой мужчина, с которым я переписывалась, оказался моей подругой (теперь, конечно, бывшей). Она непременно хотела доказать мне, что я такая же, как все: то есть ведусь на виртуальных сладкоголосых менестрелей. Повелась, да. Было дело. Но на этом все и кончилось. Никакой Сети. Никаких менестрелей: ни виртуальных, ни тем паче реальных.

Конечно, можно было бы выбрать хищника поизящней, например, рысь или какую-нибудь пуму, но... Однажды я

встретилась глазами с волчицей... Настоящей. В зоопарке. Да... Ее засунули в клетку, но она не смирилась. У нее были белые глаза. То есть... конечно, желтые, но горевшие белым огнем ненависти. Если бы волчица могла прогрызть толстую металлическую сетку клетки, она так и сделала бы. Прогрызть было нельзя. Можно было только ненавидеть двуногих тварей до белых глаз. И она ненавидела. Ее уши стояли двумя напряженными пирамидками, серо-черные бока ходили ходуном, но зубов волчица не скалила. К чему? Суетливые движения – напрасны и бесполезны.

Я тоже никогда не скалю зубов. Пока. Вокруг меня также натянута металлическая сетка, свитая из многорядной стальной проволоки. Она никому не видна, кроме меня. Я также не стану ее грызть. Может, где-нибудь подрою, если найду где и если без этого будет не обойтись. У той бедняги из зоопарка в клетке был бетонный пол – его не подкопаешь. Под моими ногами чего только нет: то земля, то песок, то асфальт, то камень, то паркетный ламинат... и всегда рядом сеть – протяни руку – пальцы встретят холодные металлические звенья. Я уже давно не протягиваю руки и смирно живу внутри. Пока. Нет, я не сумасшедшая! Не бойтесь! Не стану впаривать вам про алжирского дея, у которого под самым носом шишка. Это, пожалуйста, к Николаю Васильевичу, к Гоголю... Но иногда, как гоголевскому сумасшедшему, мне кажется, что у дней нет ни числа, ни месяца. Все они, числа, на одно лицо... Может, когда и наступит месяц Мц гдао,

число... где-то так...349-е...

Сейчас я собираюсь в магазин, что, конечно, вполне объяснимо. Надо же что-то есть. Говорят, существуют какие-то солнцееды. Твари! Вместо того, чтобы молоть колбасу «Любительскую» или редиску, они жрут наше солнце! Хотя... имеют право... Солнце – оно большое... На всех хватит. Ешь – не хочу! Сама я Волчица-вегетарианка. Нет, так бывает! Я волчица не по образу питания, а по убеждениям. Меня ненавидят за то, что я не ем мясо. Я не ем его не столько из соображений здоровья, сколько из-за нелюбви. С детства. Особенно из супа. С такими... полупрозрачными прожилками хрящей... с пленками... с обломками трубчатых костей, в которых трясется желеобразный мозг... с желтым оплавленным жиром... Да и без жира тоже. Могу, конечно, съесть котлету, но без восторга. Ненавижу шинку, шейку, карбонат и иже с ними. Мне кажется, что все это сделано из особого синтетического материала. Я никогда не могу отличить шинку от шейки, а шейку от карбоната. Терпеть не могу сервелат – застывшие в тягучем коричневом не пойми что шарики жира. Все остальные это любят. И им, остальным, здорово не нравится, когда кто-то не разделяет их пристрастий.

– Ну почему мы каждый раз должны изгаляться, чтобы придумать, чем бы тебя накормить! – Это не вопрос. Это риторическое замечание, которое бросает мне очередной именинник, когда собирается угощать сослуживцев в обеденный

перерыв.

Я всегда молчу, потому что уже давно сказала по этому поводу все, что только можно было сказать. Их, именинников и неименинников, злит, что я не ем продукты, вредные для здоровья, а они не могут себе в них отказать. Рассевшись вокруг двух столов, сдвинутых друг с другом посреди нашего отдела, они обязательно начинают упражняться в остроумии на мой счет. Самое умное, что я по этому поводу слышала, следующее двустишие:

Кто не курит и не пьет,
Тот здоровеньким помрет.

Чаще они говорят другое. Например:

– А мы себе запросто можем позволить!

– В жизни так мало радостей!

– Да съешь ты, Тонька, хотя бы маринованного огурчика! Не помрешь!

А я не люблю маринады. Никто не верит. Но дело не в этом. Я могла бы не есть это и из других соображений: например, если бы у меня был гастрит или язва, как у нашего начальника Мастоцкого. Они все равно вязались бы ко мне с маринованными огурцами, как вяжутся к нему.

– Ну-у-у... Кирилл Анатольевич... ну-у-у... съешьте кусочек! И не заметите, как проскочит!

И он ест. У него проскакивает. После каждого такого

«банкета» начальник потом неделю валяется с приступом. Сослуживцам даже в голову не приходит, что это они организовали Кириллу Анатольевичу болезнь. Они ходят к нему домой с цветами, шинками, глазированными сырками, лимонами и требуют, чтобы он немедленно все принесенное съел.

Я однажды сказала Мастоцкому:

– Кирилл Анатольевич, какого черта вы идете у них на поводу?

– Я не могу противопоставить себя коллективу, – ответил мне он. – Вот вы каждый раз противопоставляете, и что из этого выходит хорошего?

– А то, что я не ем их промайонезенный салат и потом не болею.

– А что они при этом про вас думают?

– Ну что уж такого можно про меня думать из-за какого-то салата?

– Вы же еще и не пьете!

– А почему я должна пить?

– Но ведь все же пьют!

– Не все. Я не пью.

– И что из этого выходит хорошего?

В общем, сказка про белого бычка.

На месте Мастоцкого я запустила бы лимонами в любимых сотрудников, но Кирилл Анатольевич аккуратно чистит принесенные цитрусовые, режет тоненькими прозрачными

кружочками и ест, не морщась, несмотря на свою повышенную кислотность.

Я ему как-то шепнула на ухо:

– Режь потолще, быстрее съешь, а мы скорее уйдем.

– Не суйся, куда не надо, – прошипел он мне в ответ.

Тут надо пояснить, что с Мастоцким мы вообще-то давно на «ты». Правда, сотрудники об этом не знают. Мы с ним учились в одной группе института. Кирилл после выпуска очень хорошо устроился в отделе стандартизации какого-то предприятия. Хорошо, потому что, как только он пришел в этот отдел, его начальник моментально собрался на пенсию. Он только и ждал какого-нибудь молодого да резвого выпускника вуза, чтобы наконец прекратить мучить свою язву лимонами и майонезом. Он передал свое дело Мастоцкому, а тот в первый же год работы заработал язву и себе, за что сотрудники его мгновенно полюбили.

Когда Кирилл окончательно сжился с коллективом, он перетянул к себе и меня. Я в то время перебирала бумажки в архиве при публичной библиотеке, куда меня временно пристроила мама. Мастоцкий очень долго наставлял меня перед первым выходом на рабочее место:

– Никто не должен знать, что мы с тобой знакомы! Я для тебя – Кирилл Анатольевич, ты для меня – Антонина Александровна! Мы с тобой на «вы»!

– А зачем? – задала я законный вопрос.

– А затем, что незачем разводить на работе семействен-

ность!

– Кирка! Ты спятил! Какая промеж нами с тобой может быть семейственность? Мы же просто друзья!

– Вот именно! Коллектив, как узнает об этом, будет считать, что я тебе по дружбе делаю поблажки!

– А ты не делай!

– А я и не буду!

– Ну!

– Что «ну»! Они все равно будут считать, что я их тебе делаю, раз мы давно знакомы!

В общем, я согласилась на все его условия, потому что давно уже люто ненавидела свой архив. И вот с тех пор мы с Мастоцким исключительно на «вы» и очень редко выходим из образа. Ну... вот разве что тогда, с лимонами...

В общем, я отвлеклась. Мне давно пора в магазин...

На золотом крыльце сидели...

Крыльцо дома, где я живу, и не золотое, а высокое. На него ведут десять ступенек. Еще оно широкое. На нем, прижавшись спиной к стене, стоит садовая скамейка, на которой вечно сидят пенсионерки нашего дома. Каждый раз приходится проходить перед ними, как на смотринах. Они меня ненавидят, хотя я регулярно с ними здороваюсь. Ненавидят, потому что я никогда не останавливаюсь, чтобы с ними поболтать. А о чем, собственно, с ними говорить? Да и вообще, зачем? Мне скучно и жаль тратить свое время на пустые разговоры. Иногда тетки пытаются меня задержать, сделав

какое-нибудь замечание, например:

– Какие у вас, Тонечка, красивые бусики!

Я сдержанно киваю и иду своей дорогой. На «Тонечку с бусиками» не покупаюсь. Я слышала, как однажды Ольга Семеновна с четвертого этажа говорила Наталье Александровне с девятого:

– Эта Тонька из сто двадцать четвертой квартиры – натуральная шлюха! Точно говорю! У нее же на морде написано! Как нацепит свои цацки – прямо смотреть противно!

О «цацках» надо сказать отдельно. Я люблю украшения. Из серебра и натуральных камней. У меня их много. Одеваюсь я преимущественно в черные брючные костюмы. Украшаю их камнями. Каждый день надеваю разные «цацки». У меня есть скромные, есть очень яркие, есть крупные, есть вызывающие. Разумеется, у теток на крыльце вызывающие украшения и вызывают ненависть ко мне. Впрочем, все мои украшения вызывают ко мне неприязнь, а иногда и зависть, абсолютно всех знакомых мне женщин.

Как украшают себя дамочки... к сорока? Как правило, штампованными золотыми комплектами: цепочка, серьги, обручальное кольцо (если замужем) и какой-нибудь (можно несколько) невыразительный перстенек с рубином, аметистом или александритом. Высшим пилотажем считается браслет – тоже непременно золотой. Все это богатство надевается абсолютно каждый день к любому платью или костюму. Никакого разнообразия. Никакой гармонии. Женщины

накупают себе кучу безвкусного шмотья и не замечают того, что у меня всего два черных костюма: один спортивного типа, другой – романтического. Им кажется, что я каждый день переодеваюсь. На самом деле я только меняю украшения, а они кардинально изменяют мой имидж. Еще я люблю однотонные шарфы и платки сочных чистых цветов, без крапинок, цветочков и переливающегося ворса. Это тоже бесит всех женщин, с которыми мне приходится общаться.

– Вечно выпендрится, как на прием к английской королеве! – «слышу» я спиной, уходя с работы. Это говорит Леночка Кузовкова. На ней малиновая шелковая юбка, украшенная бархатными прошивками и шнуровкой, и розовая блузка, утыканная серебристыми пайетками. Поверх этих пайеток на ее груди располагается массивная золотая цепь. С ушей свисают тяжелые кольца, тоже из золота, а практически все пальцы унизаны перстнями с камнями, абсолютно не сочетающимися друг с другом. Если перевести все золото, которое ежедневно носит Леночка, в денежный эквивалент, то на полученную сумму можно купить пару-другую килограммов таких украшений, которые обычно ношу я. Одна ее юбка с бархатной отделкой и шнуровкой стоит в два раза больше, чем мой скромный черный костюм, но Кузовкова об этом не знает. Она меня ненавидит за то, что я не такая, как она. Не такая, как все.

Собственно, я-то знаю, что я – как все. Но ОНИ почему-то думают иначе. Они не допускают меня в свои ряды. Стоит

мне войти в отдел, как все разговоры смолкают. Все поднимают на меня глаза и с ненавистью оглядывают. В их глазах явственно читается: «Ну-у-у... Что там она еще удумала? Ба-а-а... Похоже, янтарь нацепила... На работе? Вот крыса!»

Да, они думают, что не впускают меня в коллектив. На самом деле мне коллектив не нужен. Я не крыса. Я Волчица. Одиночка. На работе я, как ни странно, работаю. Болтать мне некогда. Их это тоже раздражает. Недавно у меня завис компьютер. Все попытки привести его в чувство результата не дали. Пришлось его отключить от питания. Когда включила вновь, компьютер заработал, но таблица, которую я усердно составляла два дня подряд, бесследно исчезла. Я не могла не выругаться по этому поводу вслух. Нормально выругалась. Без идиом и нецензурщины. Та же Леночка Кузовкова «посочувствовала»:

– А не надо так когти рвать! Работа не волк!

Они думают, что я рву когти, чтобы выслужиться перед начальством и потребовать повышения зарплаты. Конечно, повысить зарплату мне не помешало бы. Она у нас с Кузовковой одинаковая, только я безвылазно сижу за компьютером, а она раз десять уходит на перекур, часами распивает кофе, заедая его чипсами. Если бы я хоть пару раз перекурила с Леночкой или закусила кофе ее дурацкими чипсами, возможно, она стала бы моей подругой. Мне иногда кажется, что она именно этого и хочет: чтобы мы стали подругами. Наивная! Мне не нужны подруги. Я не курю. Ненавижу

чипсы. Кофе не люблю. А работаю много не для того, чтобы меня заметили и повысили. Мне так нравится. В то, что я делаю, обычно погружаюсь с головой. Мне всегда интересно получить результат. Я всегда жду, как сойдутся концы с концами. А если не сходятся, я с азартом начинаю все сначала. Без раздражения. С интересом: почему же не сошлось? Я могу забыть про обед. Могу не забыть, но не хочу прерывать увлекший меня процесс. Сотрудники меня и за это ненавидят. Я под куполом ненависти, как волчица из зоопарка в своей железобетонной клетке. Но у меня не вздымаются бока и глаза спокойны. Мне все равно, что они все обо мне думают. Я – вещь в себе. Я Волчица, которая умеет держать себя в руках. Ха... не в лапах же...

Ну конечно... На крыльце все в сборе: и Ольга Семеновна, и Наталья Александровна, и еще пара теток. Среди них – мне незнакомая. Кажется, она недавно выменяла однокомнатную квартиру в нашем доме. Сейчас начнется: «Какие на вас бусики, Тонечка!» На мне и впрямь бусики. Бусы. Из змеевика. Такой светло-зеленый камень в черных прожилках и пятнах. Он довольно дешевый. Я часто бываю на минералогических выставках. Женщины довольно редко покупают украшения из змеевика. Он больше идет на подсвечники, шкатулки, вазы. Но мне очень нравится. Я люблю просто держать этот камень в руках. Через него в меня вливается древняя энергия земли. Считается, что каждому знаку Зодиака подходит определенный камень или несколько камней. Змеевик – не

мой, но это ничего не значит. У меня с этим камнем особая связь.

Сегодня на мне как раз комплект: серьги и бусы из змеевика. Кроме того, из-под полы пиджака виднеется платок в тон камням. Если бы без платка, то еще бы ничего, но с платком...

– А вот и наша Тонечка, – сахарным голоском проговорила Ольга Семеновна. Та самая, которая считает меня шлюхой. – Она в сто двадцать четвертой квартире живет, как раз над вами.

Я невольно задержалась на крыльце и даже бросила взгляд на незнакомку.

– Очень приятно, – отозвалась она. – Меня зовут Надеждой Валентиновной.

Я буркнула в ответ что-то вроде «взаимно» и поспешила сбежать с крыльца. Не люблю врать и притворяться. Мне вовсе не было «взаимно очень приятно». Мне было никак. Мне вообще нет никакого дела до этой Надежды Валентиновны. Мне надо в магазин. Недалеко от нашего дома открыли новый супермаркет под названием «О'Кей». Меня тошнит и от «о'кей»-ев, и от супермаркетов. Чем было плохо – универсам? Конечно, слово «универсальный» тоже не наших кровей, но как-то уже обрусело...

В общем, в этом супермаркете есть все, на то он и супер. Мне все не надо. Мне надо овощей, зелени, творога, минералки и так... кое-чего по мелочи. В этом «О'Кее» мелочей

завались – только покупай. Я как раз подошла к кассе со своей корзинкой, полной мелочей, когда увидела у соседней Надежду Валентиновну, которой меня только что представили. Ну и скорость у тетки! И как же она успела меня догнать и... где-то даже обогнать? Впрочем, ясно. Она выгружала на движущуюся полосу у кассы всего лишь батон и пачку молока. В общем: заскочила и – назад. Я почему-то подумала, что если бы она попросила, я могла бы захватить ей молоко и хлеб.

Из магазина мы вышли вместе. Она мне улыбнулась. Пришлось тоже скроить приветливую мину. Если бы я вовремя сориентировалась, то вышла бы через другую дверь. Ненавижу попутчиков, особенно малознакомых. Ненавижу говорить ни о чем. Вообще говорить с кем бы то ни было. Я хочу быть одна! Всегда!

– Скажите, Тонечка... – начала она, – ...а где здесь поблизости аптека?

Я обрадовалась, что тетку можно отправить в сторону от нашего дома, и махнула рукой в направлении пластиковой избушки с дурацкой надписью на боку «Будьте здоровы!». Надежда Валентиновна благодарно кивнула, но как-то вяло. Я вдруг заметила, что лицо ее стало неестественно красным.

– Вам плохо? – зачем-то спросила я. Какое мне дело до ее здоровья?

– Нет-нет... – прошептала она. – Все в порядке. Все в норме.

Она попыталась улыбнуться, но у нее не получилось. Губы

скривились в такую гримасу, что хоть плачь вместе с ней. Я схватила женщину за локоть и потащила к одной из скамеек, которых видимо-невидимо понаставили вокруг супермаркета, вероятно, в надежде, что отдохнувших от блуждания в его глубинах покупателей вновь потянет за товарами.

– Быстро говорите, что купить в аптеке! – потребовала я, одновременно ругая себя за то, что ввязалась в это дело.

Женщина вытащила из кармашка пиджака уже потертый список лекарств и пятисотенную купюру. По всему было видно, что ей страшно неловко от того, что она заставляет меня беспокоиться, но все же Надежда Валентиновна ничего не сказала. Я была ей благодарна за молчание. Ненавижу, когда рассыпаются в благодарностях.

После того как она проглотила принесенные мной таблетки, запив их только что купленным молоком, Надежда Валентиновна сказала:

– Спасибо вам, Тонечка. Вы... вы идите... Не теряйте времени. Я сейчас отдышусь и тоже пойду.

– Ну уж нет, – буркнула я и плюхнулась рядом с ней на скамейку.

Несколько минут мы молчали, что мне понравилось. Она не лезла с вопросами и не оправдывалась. Сидела тихо и приходила в себя. Бросая на нее косые взгляды, я пыталась разглядеть новую знакомую. Она была неопределенного возраста. Кажется, моложе пенсионерок с нашего «золотого» крыльца, но старше меня. Или больнее... Не понять... Ей

можно было дать и тридцать лет, и все пятьдесят.

– Что ж... – начала она. – Кажется, я могу идти...

– Кажется или можете? – противным голосом спросила я.

Она не обиделась. Просто сказала:

– Могу, – и поднялась со скамейки.

И мы пошли. Вместе, но как бы отдельно. Не разговаривали. Но это почему-то не было тягостно. Иногда мы встречались взглядами. Понимающими. И опять смотрели в разные стороны и думали каждый о своем.

На «золотом» крыльце никого не было. Надежда Валентиновна удивленно осмотрела пустую скамейку. Я сказала:

– По телевизору сейчас идет «Мой светлый ангел».

– А-а-а-а... – протянула новая соседка сверху.

– Вы не смотрите? – спросила я и удивилась собственному вопросу. Какое мне дело до нее и сериала про дурацкого ангела?

– Так... Иногда... Редко...

– Не любите? – зачем-то продолжала я.

– Я больше люблю читать. Но и телевизор смотрю. Иногда, знаете, бывает, что и каким-нибудь «ангелом» увлекусь. Как все...

Мне понравилось, что она не стала врать. Действительно, все мы иногда увлекаемся «ангелами» и прочей хренотенью.

Сама не пойму, каким образом я оказалась у нее в квартире. Наверное, она еще плоховато выглядела и мне хотелось убедиться, что моя помощь действительно больше не нужна.

Надежда Валентиновна предложила чаю. Я почему-то согласилась, хотя обычно отказываюсь. Не люблю бессмысленные посиделки, не ем пирогов, пирожных и даже пресловутых бутербродов. Так решила давно. Но если острую и жирную пищу, как уже говорила, я не люблю, то выпечку и сладости обожала. Раньше. Сейчас я от всего этого отвыкла. Объяснять гостеприимным людям, что, почему и как – бесполезно. Они все пропускают мимо ушей и в ответ на доводы обычно говорят что-нибудь вроде: «Ну, один-то разик можно себе позволить!» Нельзя! Ни разика! Иначе все! Все труды напрасны! Любовь к сладкому – это как алкоголизм. Можно только не есть, как не пить. Нельзя – чуть-чуть. Иначе – понесет.

Да! Я хочу хорошо выглядеть и не скрываю этого! Я склонна к полноте, особенно ниже талии, а потому, единожды решив построить себе красивое тело, следую этому неукоснительно. Это всех злит. Все пытаются меня сбить с пути. Особенно им хочется дать мне понять, что я такая же, как все, а потому все равно не выдержу и начну за обе щеки трескать сладости. Им очень хочется, чтобы я начала. Этим они смогут оправдать свою лень и слабую силу воли: «Все равно ни у кого ничего не получается, все возвращается на круги своя, так и не стоит себя истязать». Они не понимают, что я давно не истязаю. Я так живу. Это мой образ жизни. Он мне нравится, но я его никому не навязываю. А вот они свой – навязывают и ненавидят меня за то, что я не сдаюсь.

Я – живой укор. Мне скоро стукнет сороковник, но я ношу одежду сорок четвертого размера. Ну... иногда сорок шестого – брюки. Я вообще не вылезаю из брюк. В крайнем случае могу надеть юбку, но обязательно удлиненную. Я вполне могу позволить себе мини, но мне такая длина не нравится. Удлиненная одежда визуально стройнит.

Надежда Валентиновна предложила мне к чаю печенье. Вместо того чтобы решительным образом отказаться, я както вяло сказала:

– Я печенье не ем.

Женщина не стала расспрашивать, почему да отчего. Она сосредоточилась, сморщив нос, и, все еще пребывая в задумчивости, проговорила:

– Сейчас... сейчас...

Потом открыла дверцы навесной полки, покопалась там и вытащила яркий целлофановый пакетик.

– А вот тут у меня есть сушки. Самые обыкновенные, даже без мака. Пойдет?

– Пойдет, – согласилась я, продолжая удивляться тому, что соглашаюсь. Видимо, все дело было в том, что Надежда Валентиновна поступала нестандартно. Она не собиралась заставлять меня трескать курабье, которое лежало в вазочке, хотя ела его сама. У нее не возникло ни одного вопроса, почему я грызу сушки, когда есть курабье. Впрочем, может быть, вопросы и возникали, но она их не задавала из деликатности. Нынче же деликатность не в чести. Все считают,

что имеют право всюду совать свои носы.

Разговор тек на удивление свободно. Обычно я довольно скованна с незнакомыми людьми, но с Надеждой Валентиновной неожиданно для себя разговорилась. Может быть, потому, что мы не обсуждали погоду, политику, цены и сериалы. Она не сюсюкала со мной, как часто любят делать люди, старшие по возрасту, но и не заискивала, что тоже иногда бывает. Мы были на равных.

Я узнала, что Надежда Валентиновна разъехалась со взрослым сыном. Хорошую трехкомнатную квартиру они, по ее словам, не без труда разменяли на две однушки в разных районах. Мне очень хотелось спросить, не боится ли она жить одна, раз так слаба здоровьем, но постеснялась. Меня же не спрашивали про сушки. В общем, тоже проявила деликатность.

Когда я опустошила свою чашку и собралась уходить, Надежда Валентиновна задерживать меня не стала, что мне опять же понравилось. Всякие гости хороши в меру.

Дома я вдруг подумала о том, что, пожалуй, могу с ней подружиться. Так... не слишком близко. «Мы – к вам, а вы – к нам» – это не для меня. Я всегда должна держаться на некотором расстоянии. Похоже, с этой женщиной такое возможно. Она не станет ловить меня на лестнице, чтобы я скрасила ее одиночество, и не потянет с собой в супермаркет без серьезной причины.

Надо сказать, что подруг я давно не держу. Про одну се-

тевую мерзавку уже рассказывала. Других не имею не потому, что кто-то из них увел у меня мужчину, как, например, у Людмилы Прокофьевны из «Служебного романа». Такого не было, врать не буду. Я просто устала от подруг. Почему-то все они, мои бывшие подруги, были очень требовательны в дружбе. Я должна была часами висеть на телефоне, разговаривая ни о чем. Я должна была шляться с ними по магазинам, где они часами простаивали у каждого прилавка. А я ненавижу шопинг. Всегда иду в магазин с определенной целью и, как правило, сразу нахожу то, что мне нужно. И, опять же как правило, много дешевле того, что выходили себе подруги в многочасовом марафоне. Это их злило. Всегда. Иногда они просили помочь выбрать вещь. Я не отказывалась и, по своему обыкновению, почти в первом же бутике находила то, что сидело на той или иной подруге как влитое. Они никогда не хотели покупать сразу, хотя выбранные мной вещи нравились. Им казалось, что во-о-он в том магазинчике может оказаться что-то еще более привлекательное, а в том бутике, который за углом, – вообще умопомрачительная вещь. В конце концов, в двадцать пятом магазине, уставшие и обессиленные, они покупали первую попавшуюся дрянь за сумасшедшие деньги, а потом ненавидели меня за то, что я не настояла на своем.

А еще они мне завидовали. Тому, что я не замужем. Нет, они, конечно, делали вид, что сострадают, и без устали подыскивали «подходящие» партии по принципу: «Возьми,

боже, что нам негоже». Раздражались, когда я не соглашалась даже посмотреть на объект. Ни одна из моих бывших подруг не была счастлива в браке, а потому моя свобода от всех видов супружеских обязанностей выводила их из состояния равновесия. Бесило их и то, что, не имея семьи и детей, я не выгляжу несчастной. Я не синий чулок, а элегантная дама. У них не поворачивался язык назвать меня старой девой, хотя, наверное, очень хотелось.

Я не дева. Когда хочу, у меня бывают мужчины. Но я редко хочу. Они, как и подруги, тоже чересчур требовательны. Одним нельзя звонить домой, потому что там жена, другим – нельзя и на мобильник, потому что жена и туда часто сует свой нос. Третьи, наоборот, хотят, чтобы я без конца звонила и проявляла нечеловеческую любовь к ним. Четвертые хотят секса без конца и без краю. Пятые боятся, что я потащу их под венец, ждут от меня постоянного подвоха, а потому вообще ведут себя неадекватно. Шестые желают прописаться в моей квартире. В общем, дальше, думаю, можно не продолжать. Мне никто не нужен ни под венцом, ни в квартире. Я одиночка. Волчица. А секс – такое дело, что... В общем, при определенном навыке без него можно жить, как без сладких булочек.

Чем я наполняю свой досуг? Я люблю читать. Люблю театр. Музыку. Остальное свободное время провожу в спортзале. Я занимаюсь всем, чем можно. Фитнесом – да. Обязательно. В качестве основы я выбрала себе пилатес – упраж-

нения, растягивающие позвоночник и благотворно влияющие на суставы. Иногда хожу на силовую гимнастику, иногда – в тренажерный зал. Нечасто. Мне не нужна выпирающая из одежды мускулатура. Я всего лишь хочу быть в тонусе. А еще мне нравится йога. Нет, я не собираюсь спать на гвоздях, ходить по битому стеклу и погружаться на десять лет в анабиоз. Мне нравятся асаны – позы, каждая из которых благотворно влияет на здоровье и сознание. Йога предлагает почувствовать сияние души. Я пока его не чувствую, занимаюсь только телом, но... Я в самом начале пути... Да, мне тридцать с большим хвостом, но я в начале...

Кстати, если хотите избавиться от надоедливой приятельницы, пригласите ее ходить вместе с вами на фитнес, а еще лучше – на йогу. Она непременно скажет:

– Да-да, конечно! Как только раскидаю в стороны некоторые дела, так и пойдем. В общем, созвонимся!

После этого она исчезнет навсегда. Перестанет вам звонить и даже, завидев вас, начнет переходить на другую сторону улицы, чтобы вы опять не принялись тянуть ее на йогу. У нее и без йоги полон роток дел: сериал посмотреть, дамский роман почитать, вышить розочку на кофточке и в двадцать пятый раз на неделе вымыть в квартире пол.

* * *

Он был некрасив. Воинственно некрасив. Как-то нарочи-

то. Очень высокий, он сильно сутулился, и его руки с огромными кистями некрасиво свисали. Голова тоже была крупной, заросшей иссиня-черным волосом, густым и непокорным. Похоже, что парикмахерскую он посещал от случая к случаю, а может быть, вообще игнорировал: считал это пустым занятием, поскольку волосы теперь уже только густились и кустились, а в длину не росли. Я не могла поверить, что Феликс – родной сын Надежды Валентиновны. Она была хрупкой, светлой и будто бы всегда в дымке: светло-пепельные тонкие волосы, глаза – такого же оттенка и матово-белая кожа в маленьких сухих морщинках. Да, я потом их разглядела. Надежде Валентиновне было пятьдесят пять. Сыну – тридцать три. Он находился в возрасте Иисуса, но как же на него не походил! Антипод. Антихрист.

Я решила, что Феликс – приемный сын Надежды Валентиновны, поскольку невозможно было даже представить, что он есть плоть от ее плоти. Потом я заметила, что он смотрит точно так же, как она: слегка исподлобья и настороженно. И так же, как она, совершенно неповторимо слегка поводит головой при разговоре. И улыбается точь-в-точь, как она.

Я стала думать, что отцом Феликса был наверняка какой-нибудь высокогорный знойный джигит. Потом узнала, что его отчество – Сергеевич. Впрочем, и Сергеи встречаются всякие. Может быть, тот Сергей был не совсем Сергеем, а, например, Серго. А может, Сержем или Серапионтом... Может, у Феликса и фамилия какая-нибудь эдакая... Хотя... Что

мне до этого?

Надежда Валентиновна оказалась тяжелой гипертоничкой. Она не успевала выползти из одного криза, как впадала в другой. После того чая с сушками и неспешно-приятного разговора я почему-то посчитала себя обязанной хоть в чем-то помочь ей, печальной затворнице. Странно, право слово! Я всегда старалась жить так, чтобы никому не быть обязанной, а тут вдруг вляпалась. Но тогда я еще даже не подозревала, во что. Тогда я думала, что всего лишь слегка поступилась волчьими принципами. Да. Ради хорошего и очень больного человека. В конце концов, даже волки могут к кому-нибудь привязаться.

Как-то, еще в нежных девушках, я гостила в лесничестве, у деда одной моей тогдашней подруги, с которой нынче, разумеется, расплевалась. Так вот: к этому самому деду волки выходили из леса на тропу, чтобы поздороваться. Это он так нам говорил. Я хорошо помню одного огромного самца, как с картины Виктора Васнецова. Этот волчара запросто выдержал бы на своей спине пару откормленных Иванов-царевичей вместе с царевнами. Он выходил навстречу деду, и они долго-долго смотрели друг другу в глаза. Потом зверь опускал (!) голову и, пятясь, скрывался в кустах. Дед спокойно поворачивался к нему спиной и с выражением торжества и гордости на коричневом до обугленности морщинистом лице шел к нам, наблюдающим за ними из-за ворот лесничества.

– Дед, а ты его не боишься? – каждый раз спрашивала моя подруга.

– Если бы он только почувствовал, что я его боюсь, давно перегрыз бы мне горло, – всегда отвечал он.

Тогда его ответ мне был не очень понятен. Теперь я его прочувствовала на своей задубелой волчьей шкуре. Надежда Валентиновна меня не боялась. Та же Леночка Кузовкова и иже с ней меня побаивались, поскольку знали, что я сильней: им еще ни разу не удалось склонить меня на свою сторону и заставить делать то, чего я не хочу, и то, что мне неинтересно. Например, мне неинтересны застолья на рабочем месте по поводу праздников и дней рождений. Я высиживаю со всеми для приличия минут двадцать и ухожу в другую комнату (благо она есть в нашем отделе). Сначала все упрекали меня в неуважении, высокомерии, наплевательском отношении и... прочее. Потом привыкли. Но я их раздражаю. Еще бы! Время-то рабочее! Я – работаю, а они... Кроме того, у меня всегда чистое дыхание, и я запросто могу в любой праздничный день смело идти на прием к начальнику, а они вынуждены закрывать рот ладошкой и не без труда собирать разбегающиеся глаза в кучку.

Все они, во главе с Леночкой, сто раз подумают, прежде чем обратиться ко мне с каким-нибудь вопросом, даже по работе. С ерундой не полезут. Я не стану с ними обсуждать Галочку из соседнего отдела и нового зама – Игоря Михайловича. И не потому, что такая высоконравственная. Галочка с

Игорем Михайловичем мне неинтересны. Даже если бы они задумали заниматься любовью прямо в холле нашего этажа, я и то совершенно равнодушно прошла бы мимо. Галочке – Галочково, а мне – мое. Впрочем, я очередной раз отвлеклась. Так вот: Надежда Валентиновна меня не боялась. Она не пыталась под меня подстроиться. Она не делала идиотского лица прежде, чем что-нибудь спросить. Она принимала меня такой, какова я есть, и всегда держала для меня пачку простых сушек без мака. Она ни разу не спросила, почему я не ем курабье.

Исходя из вышеизложенного, я тоже не спрашивала Надежду Валентиновну ни о чем личном. Наверно, я никогда не познакомилась бы с Феликсом, если бы у его матери было хорошее здоровье. Но оно у нее было хуже некуда. Однажды ее увезли в стационар, несмотря на то, что она, как всегда, жутко сопротивлялась. После работы я поплелась к Надежде Валентиновне в больницу, кляня себя за то, что во все ввязалась. Нельзя приближаться к человеку на расстояние ближе того, при котором отчетливо слышится слово: «Здравствуйте!» Этого слова хватает на все: оно и приветствие, и пожелание здоровья, а сказанное деловым тоном – намек на то, что здоровающемуся очень некогда и он не собирается обсуждать даже внезапно испортившуюся погоду. Хруст сушек – это уже совершенно другой звук. Это знак доверия: я у тебя ем, потому что знаю – не отравишь ни сушкой, ни словом. Это принятие на себя определенных обязательств. Ты мне –

сушки с чаем, я тебе – посещение в больнице с апельсинами и бананами.

В общем, Надежда Валентиновна была очень плоха. Ее поместили в реанимацию и не взяли у меня ни апельсины, ни бананы. Послали за минералкой без газа и велели позвонить сыну.

– Я не знаю его номер, – ответила я хорошенькой медсестричке с золотыми кудельками, хулиганским образом выпроставшимися из-под голубенькой шапочки.

Девушка велела ждать ее у дверей реанимации, а сама скрылась за ними, тщательно прикрыв за собой белую створку, которая тут же прегромко щелкнула замком. Можно подумать, что я навязывалась пойти за ней. Я вовсе не хотела смотреть на Надежду Валентиновну в проводках и капельницах. Я и сыну-то звонить не хотела. И вообще, пусть они сами звонят! Кто я и кто они! Меня он знать не знает, а на звонок из реанимации мигом прискачет резвым зайцем. Я успокоилась счастливо найденному решению и даже быстренько съела банан. Чего добру пропадать. Съела бы и апельсин, но медсестра опять появилась передо мной, все так же тщательно прикрыв за собой дверь.

– Вот, – сказала она, протянув мне бланк рецепта. – Тут телефон ее сына Феликса и адрес.

– Может быть, лучше вы ему позвоните... – начала я, но девушка меня тут же перебила:

– Разумеется, мы позвонили, но он не отвечает. Вам надо

съездить за ним.

Мне очень хотелось крикнуть: «С какой стати?», но ограничилась следующим замечанием:

– Раз он не отвечает, значит, его нет дома. Зачем же мне к нему ехать?

– Больная сказала, что ее сын работает на дому и часто отключает все телефоны, чтобы ему не мешали.

– Да-а-а... а-а-а... вдруг его нет дома?

– Женщина! – Медсестра посмотрела на меня с укоризной, а мне сразу не понравилось, что она назвала меня женщиной. Хотя я действительно женщина, но как-то... хотелось бы услышать в свой адрес «девушка» или по крайней мере «дама». – Ваша больная чуть жива и страшно нервничает. Ей очень нужно что-то сказать сыну, а в ее положении нервничать... ну вы понимаете... И вообще, сын должен знать, что случилось с матерью, и элементарно помочь. – Девушка скосила красиво подведенный глаз на мои фрукты и добавила: – И не этим. Ей лекарства нужны. Дорогие. У вас есть деньги на лекарства?

– Ну... рублей пятьсот у меня сейчас найдется...

– Что такое пятьсот рублей? Мизер! Тут тысячи нужны!

Я выдернула из кукольной ручки медсестры бланк с адресом, тяжело вздохнула (не ешь в другой раз чужие сушки! не ешь!) и поехала.

Несколько раз я пыталась звонить по нацарапанному на бланке рецепта номеру телефона, но безрезультатно. Сына

Надежды Валентиновны либо не было дома, либо он действительно его отключал. А что, если он отключал и звонок входной двери? Вот интересно, чем он там занимался, отрубив себе все коммуникации?

Феликс был дома и довольно быстро распахнул дверь на мой звонок. Вот тогда-то я и ужаснулась его звероподобному виду. Ужаснулась и даже отшатнулась, молча разглядывая огромного, практически снежного человека.

– Что надо? – вынужден был спросить он. Его голос оказался очень низким, но красивым.

– Понимаете... – залепетала я. – Ваша мама... Надежда Валентиновна... она в больнице... в реанимации...

Снежный человек, схватив меня за плечо своей огромной лапищей, мгновенно втащил в квартиру, припечатал к стене крохотной прихожей и шаляпинским басом прогудел:

– Так! Все сначала, подробно и без эмоций!

После выяснения подробностей он меня, как былинку, переместил на кухню, буркнув:

– Щас! Переоденусь... Жди!

Я подумала, что переодеваться ему необязательно. Кинг-Конг, как ни наряжай, все останется Кинг-Конгом. Оглядевшись на кухне, такой же маленькой, как прихожая, я поняла, что нога женщины здесь давно не ступала. А может быть, не ступала никогда. Впрочем, оно и понятно. Какая женщина захочет быть раздавленной меж жерновов его ладоней? В кинг-конговской кухне не было особой грязи или развала.

Все вроде бы стояло на своих местах, но уюта не было. Создавалось такое впечатление, что сюда забегают только наспех перекусить и никогда не задерживаются долее. Никелированный чайник, стоящий на плите, был не грязным, а каким-то мутным, будто подернутым тонкой паутиной. Электрический, который стоял на столе, казался пересохшим колодцем. Видимо, хозяин его не жаловал. Плафон оранжевого светильника под потолком неравномерно выцвел: со стороны окна был почти белым. А занавески... Впрочем, Феликс не дал мне рассмотреть занавески. Он, облаченный в узкие черные джинсы и коричневый мягкий джемпер, появился на кухне. У меня упало сердце. Его глаза были в тон джемпера: карие и... мягкие. А ведь он не так уж и...

– Поехали! – оборвал мои размышления сын Надежды Валентиновны.

Мне бы сказать ему адрес, да пусть катит в больницу сам, но я почему-то безропотно затолкалась в его очень большую машину. Видимо, иномарку. Я в автомобилях не очень-то разбираюсь, но, судя по высоким колесам, это был какой-то внедорожник. Еще бы! В другие машины Снежному человеку не поместиться. Даже в просторном салоне этого автомобиля высоко задранные колени, как мне показалось, мешали ему рулить. Я намеренно не села на переднее сиденье. Расположилась на заднем и рассматривала (стараясь делать это как можно незаметнее) удивительного человека, с которым свела меня судьба. Нет, он уже не казался мне некрасивым.

Первое впечатление часто обманчиво. Но и красавцем он тоже не был. Более оригинальной внешности я в своей жизни еще не видела. Его лицо... оно постоянно менялось, как бы балансируя на грани между уродством и красотой. Это была дьявольская смесь Квазимодо с микеланджеловским Давидом. Губы его оказались пухлыми и чувственными, нос – прямым и породистым, но подбородок был слишком тяжел, лоб – чересчур нависал над глазами. И эта копна давно не стриженных волос, и излишняя сутулость...

– Кончай на меня пялиться! – неожиданно потребовал он и ожег меня быстрым взглядом своих темно-карих, чуть удлиненных к вискам глаз.

Я, застигнутая на месте преступления, вздрогнула и спросила первое, что пришло в голову:

– А вы всем «тыкаете»?

– Нет, тем, кто на меня пялится.

– А другого слова, кроме «пялиться», вы не знаете? Я, например, просто вас рассматривала.

– Ну и чего высмотрела?

Что мне было ему ответить? Во мне вдруг проснулась волчица. Нет... Волчица – вот так! Какого черта я должна сидеть в его машине подбитой птицей? Он должен быть мне благодарен. А я ему ничего не должна. А раз задает вопросы, пусть получит правду в ответ:

– У вас необычная внешность, вот я и смотрю.

– Ну и?

– Что бы вам хотелось от меня услышать?

– Правду, разумеется.

– А до сих пор вы ее ни разу не слышали?

Он с силой нажал на тормоз. Нас чуть не вынесло на тротуар, а я пребольно ударилась лбом о переднее сиденье.

– Какого черта? – пискнула я, кривясь и потирая лоб. – Гибэдэдэшников на вас нет!

– То, что я уже слышал, тебя не касается. У тебя ведь на все свое собственное мнение, не так ли?

Я видела, что Феликс разозлился. Ноздри его нервно подергивались. Мне казалось: еще немного – и он двумя пальцами переломит мне шею. Видимо, нескромные взгляды и разговоры о внешности достали этого человека уже не на шутку.

– Слушайте, а не оставить ли нам эту тему на потом? – предложила я. – Все-таки у вас мать в реанимации...

– Мы сейчас туда непременно двинем, но ты... – Он смерил меня диким взглядом. – Прямо сейчас скажешь, что я – урод, чтобы больше уже к этому не возвращаться и не играть в идиотские гляделки.

Я вдруг рассмеялась и, почему-то тоже перейдя на «ты», весело спросила:

– Хочешь правду, значит?

– Твою правду...

– Да пожалуйста! Я и сама не пойму: уродлив ты или красив. Сумасшедшая помесь! Потому и глаз не оторвать!

Феликс куснул свою нижнюю губу, потом резким движением перебросил через сиденья ручищи, сграбастал меня за плечи и вытащил, как репку из грядки. Я странным образом зависла посреди салона, а мои глаза оказались прямо напротив его, яростно-карих. Он мог бы меня заглотить целиком, но поцеловал в губы. Честное слово, после этого мне страшно захотелось быть им проглоченной... нет... им испробованной... изведанной... исцелованной вусмерть... И мы уже оба знали, что так оно и будет.

Нет смысла описывать, как мы занимались делами его матери. Мы должны были сделать все быстро не только потому, что Надежда Валентиновна уже балансировала между жизнью и смертью, а еще потому, что нам не терпелось остаться вдвоем. После того, как в отделение реанимации были переданы все необходимые лекарства, Феликс побеседовал с главврачом и вышел ко мне, дожидающейся его в холле на желтом кожаном диванчике. Он сел рядом и в бессилии откинул голову на спинку.

– Что?! – испуганно спросила его я.

– Ничего хорошего, – ответил он в потолок. – Пятьдесят на пятьдесят.

– Но... она же еще не старая... Всего пятьдесят пять...

– Поэтому к ее пятидесяти пяти и дают еще пятьдесят... – невесело пошутил он. – На то, чтобы выкарабкаться...

– Что-то нужно сделать еще?

– Нет. Надо смирно ждать.

– Надеюсь, не здесь?

Феликс вернул голову в нормальное положение, с интересом посмотрел на меня и спросил:

– А ты где собираешься ждать?

– Ждать – это твоя задача. А я... – Я ткнула себя пальцем в грудь, – ...твоей матери никто, всего лишь соседка.

Своей огромной ручищей он повернул к себе мое лицо и сказал:

– Врешь... Ты теперь... моя женщина...

Если бы по коридору не сновали медицинские работники и родственники больных, мы слились бы в объятиях. Но даже презирающие всяческие условности Волчицы не готовы делать это прилюдно. Я вывернула подбородок из его жестких пальцев, поднялась с дивана и сказала:

– Ты заблуждаешься на предмет своего и чужого. Я не твоя и никогда ею не буду. Я – сама по себе! Запомни это! Но сегодня я готова поехать... к тебе...

– А почему не к тебе? – в свою очередь спросил Феликс.

– К тебе или никуда! – отрезала я.

Он почему-то задумался. Потом потер пальцами виски и сказал:

– В общем, так: если ты действительно не против... меня... то сейчас я завезу тебя домой... ну... в твою собственную квартиру, потом ненадолго съезжу... по делам и вернусь за тобой... часа через полтора... Устроит такой вариант?

Меня не устраивал. Еще не хватало, чтобы эдакая замет-

ная машина с таким выразительным водителем подкатила к нашему «золотому» крыльцу. Утонешь в сплетнях и домыслах.

– Не устраивает, – сказала я. – Ровно через полтора часа я буду на станции метро «Горьковская». Жду тебя минут пятнадцать, не более. Не уложишься – гуд-бай, беби!

– Йес, босс! – в тон мне ответил он, поднялся с дивана и пошел к выходу, нисколько не сомневаясь, что я спешу за ним следом. Я не спешила. Я продолжала сидеть на диванчике.

Феликс, вынужденный вернуться с лестницы, картинно встал в дверях, не оставив щелей между косяками. На лице застыло выражение: «Какого черта?» Я неспешно поднялась с насиженного места, подошла к нему и сказала:

– С этих пор ты будешь мармеладно-галантен... или... пошел сам к черту!

Феликс усмехнулся, губы разъехались в улыбке, и он стал красив. Честное слово! У меня чуть не подкосились ноги от этой его невероятной мужской привлекательности. Он отошел от косяка, дал мне пройти, на лестнице опять протиснулся вперед и сказал:

– Моя маменька учила меня, что на лестнице мармеладно-галантные мужики должны идти чуть впереди дамы, чтобы страховать на случай... если вдруг что. Не возражаешь?

Я не возражала. На выходе он открыл мне дверь и пропустил вперед себя. Потом довел меня до остановки троллей-

буса, поскольку я отказалась садиться в его огромный автомобиль.

Мне надо было привести себя в порядок. Нет, конечно, я всегда в порядке, но сегодня мне явно предстоят сексуальные утехи, а к этому надо подготовиться более тщательно.

Дома, стоя под душем, я размышляла о том, не поторопилась ли согласиться на свидание. Может быть, стоило помучить Феликса, который на меня явно запал? Хотя... Волчицам это не пристало. Волчицы сами выбирают себе самца... Так мне кажется... Мне хочется, чтобы так было... И времени зря не теряют. Вряд ли у волков долгие брачные игры. Не глухари, поди, не павлины и не австралийские птички, самцы которых для своих возлюбленных строят бессмысленные арки из перышек, веточек и бумажек. Нам с Кинг-Конгом этого не надо. Мы чуть не вспыхнули факелами от одного-единственного поцелуя, так к чему теперь долгие ухаживания?

Я вышла из дома без бус и в очень скромных серьгах, которые почти скрывались за волосами. Тетки с «золотого» крыльца отвесили челюсти. Я без бус – это все равно что голая. Ольга Семеновна с четвертого этажа нервно булькнула горлом, а Наталья Александровна с девятого прикрыла свои бледные губки аж двумя ладошками сразу. Представляю, сколько я дала пищи для разговоров, пройдя перед ними в обычном черном костюме, не расцвеченном ни камнями, ни шарфиками. Как только я скрылась за углом, Ольга Семеновна наверняка обрадовалась:

– Ага!!! Ты все пела – это дело, так поди же попляши!

А Наталья Александровна, конечно же, высказала предположение, что мне наконец запретили выряжаться на работе, чего ей давно хотелось посоветовать моему шефу.

Но мне плевать на всех. Я не надела бусы и крупные серьги, чтобы не снимать их. Я сегодня должна быть раздета. И бижутерия в данном случае будет неуместна, даже самая элитная.

* * *

Когда я вышла из метро, Феликс уже ждал меня с царственным букетом бело-розовых лилий в руках и конфетной коробкой под мышкой. Я, усмехаясь, подошла к нему. Он протянул мне цветы и конфеты и сказал, улыбаясь своей потрясающей улыбкой:

– Вот! Это самое мармеладно-галантное, что я только смог найти.

Я опустила глаза на крышку конфетной коробки. На красном фоне были изображены разноцветные, обсыпанные сахаром мармеладины. Колокольцы лилий пахли сладко и пряно, как старые бабушкины духи. Карие глаза Феликса уже не были яростны. Они, две плавленые шоколадины, обещали наслаждение, такое же пряное, как запах цветов.

Комната сына Надежды Валентиновны была безлика настолько, насколько неинтересна комната любого холостя-

ка: невыразительная мебельная стенка, шторы, совершенно негармонирующие с обивкой дивана, уродливый, бочонком, светильник под потолком и компьютерный уголок. Обычно компьютерные столы мужчин завалены всякой дрянью: дисками в коробочках, дисками без коробочек, раскуроченными дискетами, журналами, буклетами, отжившими свой век мышками с препарированным нутром, сломанными наушниками, а еще отвертками и чуть ли не разводными ключами.

Компьютерный стол Феликса был девственно чист. Кроме самого компьютера, на нем не было абсолютно ничего. Книжные полки над столом тоже были до странного пусты. На одной жалась к стене жидкая кучка журналов, на второй были довольно красиво и... редко расставлены толстые компьютерные справочники.

Честно говоря, я даже не знаю, почему обратила внимание на эти полки. На самом деле мне не было до них никакого дела. Я же не собиралась селиться рядом с ними. Я всего лишь хотела еще раз отведать мягких губ Феликса, ну... и всего остального...

Сын Надежды Валентиновны, очевидно, тоже побывал в душе. От него приятно пахло чем-то мятным с горькой нотой непонятного происхождения. То есть я не знала, что еще было добавлено в косметическое средство, которым он умастил свое тело, но эта горечь так щекотала мне ноздри, что я начала раздеваться первой. А он стоял и смотрел. Я не стес-

нялась. Волчицы не стесняются своих чувств и желаний. А вот Феликс явно комплексовал. Он расстегивал и застегивал воротничок рубашки, кусая свои выразительные губы. Он опять был почти красив. Нет, не почти... Он был огромен, но хорош... Колосс... Меньше, конечно, той копии Давида, которая стоит в Пушкинском музее стольного града под названием Москва, но крупнее всех мужчин, которые были у меня до него.

Впрочем, мне очень хотелось посмотреть, насколько он похож на Давида. И я подошла к нему и сама взялась за пуговицы его рубашки. Феликс не дал мне ничего сделать. Он обхватил меня за талию своими огромными ручищами и приподнял так, что наши глаза опять оказались на одном уровне. Шоколад его глаз медленно закипал. Мне казалось, что их коричневая радужка начинает медленно вращаться и пузыриться, будто шоколадная масса, разогреваемая на водяной бане. И меня начало затягивать в этот горячий омут. Где обжигающие глаза... где запекшиеся губы... где я... где Феликс... Фе-ликс... Фе-никс... Каждый раз сгорающий и восстающий из пепла... И я сгорала... факелом, превращаясь в черное ноздреватое нечто: тронь – рассыплется... И рассыпалась, и восставала, чтобы опять тонуть в горячем шоколаде, опять вспыхивать, искря и распадаясь на миллиарды медленно потухающих частиц, чтобы потом начать все сначала...

«...я делаю тебе больно...» – «...нет... мне хорошо...»

«...ты Снежный человек...» – «...я всего лишь сын женщи-

ны...»

«...ты Дюймовочка...» – «...нет... я Волчица...»

«...чушь... волчицы пахнут псиной... ты пахнешь... водой... свежей и чистой... самый живительный запах... ты Тоня... ты – самое ТО...»

«... и ты – ТО... никогда еще не было настолько ТО...»

В общем, я влюбилась... Волчица неожиданно нашла своего волка. Кстати сказать, я как-то читала, что у волков очень крепкие пары. Часто на всю жизнь. Неужели и у меня на всю? Мне бы так хотелось...

Волчицей я все равно останусь для всех остальных. С появлением в моей жизни Феликса мне еще более, чем когда-либо, стал неинтересен социум. У меня теперь было все, что нужно для полной гармонии: мой внутренний мир, мои привычки и пристрастия, мои правила и установки на здоровый образ жизни. Не все из них Феликс одобрял, но ни в чем не пытался меня разубедить или переориентировать. Он был сыном своей матери. Он, как и она, принимал меня такой, какова я была. Покупал... нет, не сушки... хрустящие хлебцы упаковками... Никогда не предлагал съесть пирожное или курабье, которое любил так же, как Надежда Валентиновна. А она... Впрочем, о ней чуть позже.

И должна признаться, что с Феликсом я была совершенно незащищена. Открыта. Распахнута. Сначала я считала себя влюбленной, потом поняла, что люблю. Волчицы не скрывают своих чувств, и я сказала ему первой:

– Я люблю тебя, Феликс.

Он долго и пристально смотрел на меня своими закипающими глазами, а потом попросил повторить. Я повторила. Я могла бы повторять это всю ночь, а потом день и снова ночь... Каждая клеточка моего тела любила его... одного... и никогда... никого... другого – так...

Феликс не ответил мне, но мне тогда и не надо было слов, когда он и без них весь – мой... У меня же есть глаза... чутье... всяческие рецепторы, улавливающие малейшие колебания и изменения на атомарном уровне... и даже на уровне флюид и эманаций... Этот человек... он такой огромный, а я, как... цветок в его руках... Орхидея с бесстыдно вывернутым напоказ влажным сладким нутром... Я вся для него... Всегда буду для него... Для всех – Волчица, для него – истекающая медовым нектаром Орхидея...

Все это вовсе не означало, что я переехала к нему жить под те полки с красиво расставленными компьютерными справочниками. Нет, я неизменно возвращалась домой. Он отвозил меня на своей огромной машине. У меня не было желания выйти за него замуж. Волки не сочетаются браком в загсах и не венчаются в церквях. Конечно, они живут в одном логове, но мы ведь не обычные волки... Словом, меня все устраивало. Я любила Феликса и одновременно любила свой дом, который был устроен так, как мне этого хотелось. Феликс не селился в нем, а значит, не разбрасывал по квартире своих вещей, не переставлял с мест мои люби-

мые штучки, не забрасывал газетами мои бусы и браслеты, не мочил пол в ванной, не усыпал в кухне крошками пол и не балдел перед телевизором, транслирующим футбольный матч. Я в ответ не нарушала стиля его жилища. Нам обоим это нравилось. Мы были так поглощены друг другом, нам было настолько хорошо вместе, что не приходило в голову как-то изменить положение. Как там говорят: лучшее – враг хорошего. Вот мы и не стремились ничего менять.

* * *

А Надежда Валентиновна выкарабкалась. Да! Феликсовыми неусыпными заботами. Он больше не позволил мне к ней ходить. Сказал, что нанял специального человека для ухода за матерью. Я и не ходила, раз попросил. Я никогда не делаю того, чего человек не жаждет от меня получить.

Когда он перевез мать из больницы домой, я поначалу пыталась навещать ее, чтобы хоть как-то помочь. Я воспринимала ее как часть Феликса... нет... наоборот: его как часть ее... или не так... в общем, я запуталась... Эта женщина стала дорога мне как мать возлюбленного. Но возле нее постоянно терлась сиделка, и я была явно лишней. Кроме того, в глазах Надежды Валентиновны, устремленных на меня, я с каждым днем все явственней читала странное неудовольствие. Сначала она прятала его от меня, потом уже прятать не смогла.

– Ты любишь моего сына? – как-то спросила она.

– Люблю. – Я не могла ответить по-другому. Да и чего скрывать, если я была переполнена этой любовью.

– Феликс приносит женщинам несчастье.

– Ерунда, – со счастливым лицом отмахнулась я. – Просто у него еще никогда не было такой женщины, как я.

Надежда Валентиновна посмотрела на меня то ли с жалостью, то ли с сомнением. Я тут же поспешила эти ее сомнения развеять:

– Он тоже любит меня.

– Это он тебе сказал?

– Это я чувствую...

– Чувствуешь?

– Я ТОЧНО ЗНАЮ ЭТО! – Да, я проговорила это так, будто писала заглавными буквами, потому что была уверена в Феликсе, как в себе.

Следующим вечером я случайно услышала конец разговора, который произошел между Надеждой Валентиновной и сыном. Он был странным. Я сначала слегка насторожилась, а потом опять отпустила себя на волю. Я люблю Феликса. Моя любовь запросто снесет все преграды, если они есть. Я в этой своей любви настолько сильна и могущественна, что в состоянии переделать мир, а не то что отдельно взятого человека! Впрочем, я не собираюсь переделывать Феликса. Он мне нравится именно таким, каков есть.

– Ты взялся за Антонину? – с непонятной мне интонацией спросила сына Надежда Валентиновна.

– У нас с ней все хорошо, – прогудел в ответ Феликс.

– Но ведь все будет так, как всегда?

– Нет... не уверен... – действительно неуверенно ответил он.

– Зато я уверена!

– Позволь мне самому решать... Это моя жизнь!

Как же мне понравился восклицательный знак в конце предложения, который я явственно услышала. Конечно же, мать, одинокая женщина, ревнует сына к его возлюбленным. Это нормально, и понятно, почему она смотрит на меня с неприязнью.

– А что будет, если она... скажем так, узнает о твоей... нестандартной профессии? – В голосе Надежды Валентиновны слышалась нескрываемая ирония, и мне вдруг открылось, что мать с сыном не так уж и любят друг друга, как мне казалось до этого. А мать Феликса между тем продолжила: – С ней может случиться нервный срыв!

– Хорош! – рявкнул сын.

В ответ и прозвучала странная фраза, сказанная твердым голосом женщины, которую я считала нежным, чуть увядшим цветком:

– Я ни за что не выйду из игры, понял!

– Тут не до игр! Тоня... она – другая...

– И в чем же?

– Она называет себя Волчицей.

– Отлично... Это может стать новым направлением...

На этом «направлении» я решила войти в комнату. Да, Надежда Валентиновна сказала нечто странное, но я все равно ничего не боюсь! В особенности – «нестандартных профессий». Мне нет дела до профессии Феликса. Я никогда этим не интересовалась. Мне не нужны дивиденды с его трудов. Мой приятель и одновременно начальник Кирилл Мастоцкий мне всегда хорошо платил. Я сама обеспечивала свою жизнь. Предыдущие женщины Феликса меня не интересовали. И у меня было полно мужчин. Некоторых я бросила сама, другие, как и женщины сына Надежды Валентиновны, не смогли вынести меня. С ними тоже происходило что-то вроде нервного срыва. Нелегко сосуществовать с Волчицей. У Феликса получалось. У нас с ним все получалось в лучшем виде. Я никогда в жизни не была так счастлива, как сейчас.

Конечно, через несколько дней я все-таки спросила его о работе. Так... Из чисто спортивного интереса. Мне хотелось знать, чем его профессия так сильно не угодила матери и тем дурным женщинам, которые из-за нее смогли отказаться от Феликса.

– Я работаю дома на компьютере, – ответил он.

Я никогда не видела его компьютер включенным, а потому спросила:

– У тебя разовые заказы?

– Что-то вроде этого. Я работаю по договорам.

– Работы немного?

– А почему ты об этом спрашиваешь? – удивился он.

Я сказала про вечно выключенный компьютер. Он рассмеялся.

– А чего его зря включать? У него вентилятор, собака, гудит, как три пылесоса. Все никак не могу сменить. Когда ты у меня в гостях, этот звук – лишний. А работа у меня такая, что... в общем, то пусто, то густо... Погоди, ты еще здорово огорчишься, когда я его включу.

– Почему?

– Это будет означать «густой» период. Мне тогда, уж прости, будет не до тебя...

После этих его слов я окончательно успокоилась. Дурам, которыми, безусловно, являлись его предыдущие бабенции, конечно же, хотелось, чтобы Феликс целиком и полностью принадлежал им. А у него, значит, бывают периоды, когда он по горло завален работой и ему не до женщин. О! Я сумею это перенести, потому что отлично понимаю состояние полной поглощенности делом. Когда я пишу для Мастоцкого отчеты о проделанной работе, даже есть не хочу. Впрочем, я уже, кажется, это говорила... А Феликс был прав, когда заявил матери, что Тоня, то есть я, – другая и интереснее всех его бывших. Да! Это так! Я другая! Я Волчица. А Волчица непременно дождется своего Волка с охоты!

* * *

Вскоре началось ЭТО. То есть сначала я, конечно, даже

не подозревала, что началось. Все шло своим чередом. Как всегда. Я любила и была, как мне казалось, любима взаимно. А однажды на мой электронный адрес пришло странное письмо. Вот его содержание:

«Раз вы читаете эти строки, значит, я все-таки решилась. Программа должна отослать вам письмо после того, как с момента моих похорон пройдут положенные сорок дней. То есть, если в течение сорока дней никто не пошлет с моего ящика ни одного письма, тогда вы получите его – мое последнее. Я все рассчитала. Очень странно писать о собственных похоронах и сороковинах. Будто не о себе. Будто о ком-то другом, незнакомом, а я еще буду жить долго-долго... Нет, не буду. Не хочу. Незачем. Не для кого. То есть вообще: НЕ ДЛЯ КОГО и НЕЗАЧЕМ. Боюсь, что с вами случится то же самое. Я видела вас вместе с ним. С НИМ! Он чудовище! ЧУДОВИЩЕ! Впрочем, я злоупотребляю большими буквами. Их величина ничего не сможет вам объяснить. Мне ничего не стоило определить ваш электронный адрес. Я программист... Программистка... Хорошая программистка. Можно уже написать – бывшая... да... Практически, хакер... бывший... Когда я... Впрочем, вы не сможете сделать то, что смогла я, зато можете не поддаваться этому человеку. С вашего знакомства прошло всего пара месяцев. Не будете же вы утверждать, что успели за это время влюбиться насмерть. Хотя... смерть ходит за этим человеком по пятам. Или нет... Он водит ее с собой за ручку. Она его сообщница. Впрочем...

Да, опять „впрочем“... Этим словом я тоже злоупотребляю. Я вообще всем злоупотребляю. Жизнью злоупотребляла. Любовью злоупотребляла. Доверием злоупотребляла. И с чем осталась? Ни с чем. А вы... Вы прочтете мою жизнь от корки до корки. Только бы не было слишком поздно. Для вас.

Что-то я расписалась. Тяну время? Пожалуй... Все! Прощайте! Желаю вам лучшей участи! Очнитесь, Антонина!»

Я посчитала бы, что письмо пришло в мой ящик по ошибке, если бы не имя. Конечно, можно предположить, что письмо было написано другой Антонине, но вы поищите-ка другую Антонину моложе шестидесяти лет. Нынче это имя не в почете. Меня назвали в честь прабабушки, замечательной красавицы, в надежде на то, что из меня со временем вырастет нечто подобное. Не развилось. Прабабушка сама по себе, я – сама по себе. Ничем на нее не похожа. Она – волоокая брюнетка с запредельным взглядом и небрежными прядками, выбивающимися из волнистой прически в стиле звезды немого кино Веры Холодной. Я приземленная шатенка с геометрической стрижкой и замороженным взглядом.

Итак: Антонина – это все-таки я. Он – это Феликс, потому что другого «его» у меня не было уже около года. У меня нет привычки нырять из постели в постель. С того времени, когда я окончательно сказала Мастоцкому «нет», прошло... да-да... около года: одиннадцать месяцев. Вот так! Да! Мой начальник периодически приударяет за мной. Мы с ним со студенческих времен сто раз сходились, расходились... В по-

следний раз разошлись, поскольку мне не нравилось, что Кирилл не хотел афишировать наши отношения в отделе, обращался ко мне исключительно на «вы» и постоянно требовал не противопоставлять себя коллективу. Он даже пытался выставлять мне условия: если я... то он... В конце концов я послала его подальше. На что мне такой муж, который станет вечно извиняться за меня перед коллективом? Да и вообще: замуж, как я уже говорила, меня никогда не тянуло.

Я довольно долго раздумывала над всем этим из тех соображений, чтобы подольше не возвращаться мыслями к электронному письму. Но Мастоцкий был настолько обыкновенным среднестатистическим мужчиной, что долго думать о нем не получалось. Волей-неволей пришлось перевести взгляд на монитор, на котором так и висело это письмо.

Можно, конечно, распечатать его, сунуть под нос Феликсу и спросить: «Что ты на это скажешь?» Я на его месте не сказала бы ничего, а вдобавок покрутила бы пальцем у виска. Еще бы! Где доказательства того, что речь идет именно о нем? А может, о Мастоцком? Нет! Я ведь знаю, что не о нем! Кирилл если уж и станет водить кого-нибудь за собой за ручку, то точно не смерть. В крайнем случае мою бывшую подругу Маринку. И задворками, чтобы женщины вверенного ему отдела не увидели, а то мало ли что. Маринка каждый раз прыгает к Кирке на шею, когда я для нее эту шею освобождаю. Впрочем, Мастоцкого я освободила навсегда.

Хотя, я бодрюсь... Черт! Черт! Черт! Я начала употреб-

лять любимое слово этой сумасшедшей хакерши! Зачем она прислала мне то, что прислала? Что она имела в виду? Все чушь! Наговор! Они разошлись с Феликсом, и она не смогла его забыть. Да... Его трудно забыть... Я, пожалуй, тоже не смогу... А, собственно, почему я должна забывать? У нас все хорошо! Хорошо! А если он кого-то разлюбил, то это не повод вешать на него всех собак. Я вот тоже бросила Мастоцкого, но ему не приходит в голову рассылать по Питеру идиотские письма. Этой хакерше надо срочно обратиться к психиатру. Впрочем... Черт возьми, как это слово заразительно! Она не сможет обратиться ни к какому врачу, потому что уже прошло сорок дней после ее... смерти... Нет! Нет и нет! Те, кто по-настоящему хотят свести счеты с жизнью, никогда не трезвонят об этом. Они, наоборот, делают вид, что радуются жизни, чтобы усыпить бдительность друзей и родных, и только тогда... по-тихому... А эта... хакерша – напоказ! Наверняка она жива и здорова! А как же письмо через сорок дней? Ерунда! Она просто забыла о нем и... например, уехала в отпуск, а программа – взяла да и отослала письмо через сорок дней, как ей было велено. Хотя... у кого в нашей стране отпуск в сорок дней? Ну... например, у учителей... летом... Но сейчас... осень... разгар, так сказать, учебного года... Ну и что! Программа могла дать сбой и вообще... Все это может быть дурным компьютерным приколом! Розыгрышем! Дрянной рассылкой с единственной целью – пощекотать нервы получателям! Это спам!!! Но как же тогда мое имя – Анто-

нина... Все, я пошла по второму кругу...

Отдышавшись, я взглянула на адрес отправителя. Какая-то Elis... Еще бы! Не Антонина же и не Варвара будет рассылать такие письма. Или Elis – это в том смысле, что – Лиза... Та, которая бедная... Хотя, может быть, этой особе просто нравилось звучное импортное имя. А что? Сейчас куда ни глянь везде такие названия, что только диву даешься! Вот, например, в Питере есть кафе под названием «Мутный глаз». Вы пошли бы ужинать в «Мутный глаз»?

А что, если черкнуть этой Elis ответ? Может быть, она отзовется, извинится, объяснит, что письмо – есть недоразумение, что в Интернете болтаются еще и не такие маразматические послания и что не стоит все принимать на веру и переживать. Может быть, мы еще подружимся с этой Elis? Стоп! Стоп! Стоп! Волчицам не нужны друзья и подруги! Не стоит поступаться принципами ради... Ради кого? Ради Феликса я поступлюсь чем угодно!

Я кликнула мышкой в окошке для ответа и выдала следующий текст:

«Привет, Elis, дорогая моя Лизавета! Надеюсь, что у тебя все в порядке. Если все еще хочешь выговориться, пиши. Можешь по-прежнему – эзоповым языком, можешь – открытым текстом (что, конечно, предпочтительнее). Возможно, я смогу тебе помочь. Антонина».

Вряд ли я смогу помочь этой сумасшедшей, если она вообще существует в природе, но надо же хотя бы попытаться

прояснить ситуацию.

В свой электронный ящик я не заглядывала неделю. Специально. Еле вытерпела. Зато все эти дни пытливо вглядывалась в глаза Феликсу. Нет ли в них чего-нибудь брутально-фатального, не горят ли они адовым пламенем? Шоколадная радужка по-прежнему сладко плавилась и вскипала под моим взглядом. Теплые, мягкие губы любимого человека целовали меня, и воспоминания о тревожном электронном письме тонули в глубинах мозга.

К концу недели я убедила себя в том, что эта Elis – патентованная шизофреничка, и полезла в свой почтовый ящик якобы только для того, чтобы посмотреть, не пришло ли уведомление из интернет-магазина, в котором я сделала заказ на специальный коврик для занятий йогой.

Уведомление было. А еще было Re: на Re:. От Elis. Сначала я почувствовала, как покрылась липким потом, потом рассмеялась вслух. Так-то оно и лучше! Раз Elis пишет, значит, жива и здорова!

Что ж, я готова стать для нее виртуальной жилеткой! Пусть плачет в мой почтовый ящик. Таким образом я буду контролировать ситуацию и уже не впаду в коматозное состояние от ее неожиданных писулек. Еще раз освобожденно вздохнув, я открыла ответ Elis и прочитала следующее:

«Здравствуйте, Антонина. Судя по письму, вы не знаете, что Наташа погибла 28 августа. Если вы были ее подругой и не услышали об этом трагическом событии по какому-то

недоразумению, то приглашаю вас на Николаевское кладбище в следующую субботу в 12.00. В течение получаса буду ждать вас у центрального входа. Я – несколько рыжеволос, что всегда отличало меня от других. Думаю, не ошибетесь. Виктор, Наташин брат».

По прочтении этого послания я застыла перед монитором. Шевелиться не могла довольно продолжительное время. Ощущения были такими, будто я умудрилась проглотить огромную ледяную глыбу, которая прижала меня к компьютерному креслу и мгновенно проморозила внутренности. Не без труда выйдя из ледяного ступора, я взглянула на календарь, хотя и без того знала, что там увижу: «следующая суббота» – завтра. Плохо и одновременно хорошо. Плохо, потому что я ко всему этому не готова. Ох, как не готова... Хорошо, поскольку уже завтра я могу узнать... Что? Может быть, мне лучше ничего не знать? Что мне за дело до какой-то Наташи, которая никогда не была моей подругой! Ага! Не знать и мучиться ужасными подозрениями! Да какие там подозрения? Шизофреники – они на то и шизофреники, что их действия нормальным «умом не объять» и «аршином общим не измерить». Бедный Тютчев, Федор Иваныч... Знал бы он, к чему я пристегну его бессмертные строки!

Вечер пятницы я провела в обнимку с пузырьком валерьянки, единственным успокоительным средством, имеющимся у меня в наличии. Неожиданно позвонил Феликс и сказал, что в субботу мы не сможем встретиться, поскольк-

ку он обещал отвезти Надежду Валентиновну к какому-то знаменитому врачу. Я ответила что-то вроде «да-да-да... конечно-конечно... не беспокойся... все хорошо... встретимся в воскресенье», и он, похоже, даже не заметил, что голос мой нервно подрагивал. В общем, все само собой складывалось так, чтобы на следующее утро я отправилась на Николаевское кладбище. Встать придется пораньше, потому что оно находится на окраине Петербурга, и пилить до него на перекладных более полутора часов. А может, вызвать такси? Влетит в копеечку... А ради чего? Да ради Феликса, черт возьми! Фу! Что-то последнее время я стала часто поминать черта! Не к добру! Ой, не к добру! А что вообще в последнее время у меня к добру?! Говорила же мне Кузовкова, что выпендреж (так она называет мою независимость) еще выйдет мне боком. Якобы люди мне вслед плюются и запросто могут пожелать зла. Я еще спросила:

– Люди – это ты?

– Я тебе зла не желаю. Я только удивляюсь, и все. А другие, мимо которых ты шлындаешь с задранным вверх носом, могут и пожелать. Гляди, как бы не накрыло с головой их пожеланиями!

– Не каркай! – сказала я ей тогда.

– Тут каркай не каркай... – отозвалась Леночка и безнадежно махнула рукой.

Может быть, и правда меня сглазили. Я никогда не верила в сглаз и порчу, но кто может поручиться, что этого и впрямь

не существует в природе.

* * *

Без десяти минут двенадцать я вышла из такси у центральных ворот Николаевского кладбища и сразу увидела Виктора. Он был не несколько рыжеволос, как писал в письме, а пламенно-рыж. Ошибиться действительно было невозможно. На нем были подобающие месту черные одежды. Увидев, что я направляюсь к нему, он надел на пылающие волосы черную кожаную кепку. Видимо, молодому мужчине казалось, что их яркий цвет на кладбище неуместен.

– Я Антонина, – представилась я для приличия, хотя мы оба поняли, кто есть кто.

– Виктор, – из вежливости кивнул он и сделал рукой жест, показывающий на вход.

Мне очень хотелось вцепиться в его черную куртку и потребовать, чтобы он немедленно рассказал, что случилось с Наташей, но я понимала: сначала должна в траурном молчании дойти до ее могилы, постоять перед ней со слезами во взоре и только потом, на выходе, начать расспрашивать Виктора.

– Кладбище старое, – неожиданно сказал мой спутник, и я вздрогнула. – Здесь уже больше не хоронят, но у нас за оградкой оказалось много места, а потому... ну... вы понимаете...

Я яростно закивала, усиленно делая вид, что все понимаю, хотя соображала плохо. Я боялась от напряжения сбиться с той легенды, которую себе придумала насчет его погибшей сестры. Черт... И чего она придумала себе идиотский ник – Elis... Ведь не Лизавета же, в самом деле... Наташа... Какой кошмар: опять поминаю черта...

По кладбищу мы шли довольно долго. Со всех сторон на меня смотрели люди с портретов, переведенных на керамику или высеченных на камне. Они будто выгладывали из окон своих последних пристанищ. Одни были грустны, другие улыбались. Некоторые высеченные на камнях улыбки были неудачны. Казалось, что их обладатели по-вурдалачьи скалят зубы, дожидаясь темного часа. Виктор заметил, с каким ужасом я оглядываюсь на некоторые портреты, и сказал:

– Да, здесь неудачный мастер. Я закажу памятник в другом месте. Наташа была улыбчивой красавицей. Она на всех фотографиях улыбается. Не дай бог, чтобы ее сделали такой... – И он указал на особо кошмарное лицо, скалящее на нас зубы с блестящего черного монумента. Под этим лицом находилась поникшая ветвь, роняющая маленькие листочки. Очевидно, кладбищенский художник пытался изобразить аллегорию скорби, но получилось, будто с подбородка мужчины стекают капли липкой слюны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.